

~~TOP SECRET~~

«США против Талибана: от победы к поражению»

Давид Штерн

Case File 2001-2021 / AFG-47

Opium
revenue source?

DECLASSIFIED
03/15/23

Handwritten text in Arabic script, partially obscured by a piece of paper.

Давид Штерн

**США против Талибана:
от победы к поражению**

«Автор»

2026

Штерн Д.

США против Талибана: от победы к поражению / Д. Штерн —
«Автор», 2026

Новая книга Давида Штерна представляет собой комплексное исследование двадцатилетней американской кампании в Афганистане (2001–2021). Автор анализирует как быстрый военный успех обернулся стратегическим тупиком и крахом поддерживаемого Западом государства. Детально разбираются внутренние конфликты в афганском режиме, роль Пакистана, причины стремительного распада афганских сил безопасности в 2021 году. Главный тезис автора заключается в фундаментальном разрыве между огромными внешними ресурсами и неспособностью созданных институтов к самостоятельному существованию. Книга не только реконструирует ход боевых действий, но и оценивает геополитические, экономические и гуманитарные последствия ухода коалиции. Издание адресовано специалистам в области международных отношений и военной истории, а также всем, кто стремится понять причины поражения США в самой долгой своей войны.

© Штерн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Содержание:	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Давид Штерн

США против Талибана: от победы к поражению

Содержание:

Введение.

Глава 1. Предпосылки и причины конфликта.

1.1. Афганистан накануне войны: государство после нескольких десятилетий вооруженных конфликтов.

1.2. Талибан: происхождение движения и путь к власти.

1.3. Аль-Каида и Усама бен Ладен.

1.4. Теракты 11 сентября 2001 года.

1.5. Отказ Талибана выдать бен Ладена и решение Вашингтона.

1.6. Геополитические интересы США и формулировка целей кампании.

Глава 2. Этап первый: свержение режима Талибана (2001-2003).

2.1. Замысел операции «Несокрушимая свобода» и расстановка сил.

2.2. Спецподразделения и Северный альянс.

2.3. Кандагар, Тора-Бора и бегство командования Талибана.

2.4. Боннская конференция и создание переходной администрации.

2.5. Операция «Анаконда» и первый боевой тест.

2.6. Итоги первого этапа.

Глава 3. Этап второй: партизанская война (2003-2008).

3.1. Реорганизация Талибана.

3.2. Война на периферии внимания Вашингтона.

3.3. Расширение ISAF: от Кабула к югу страны.

3.4. Крупные операции 2006 года.

3.5. Пакистанский фактор: убежище как стратегический ресурс.

3.6. Рост контингента и кризис стратегии.

Глава 4. Этап третий: Сурдж и попытка стабилизации (2009-2014).

4.1. Новая администрация и пересмотр стратегии.

4.2. Контрповстанческая доктрина и практика ее применения.

4.3. Операция «Моштарак» и боевые действия 2010 года.

4.4. Ликвидация Усамы бен Ладена

4.5. Афганизация и начало перехода.

4.6. Завершение боевой миссии и миссия «Решительная поддержка».

Глава 5. Этап четвертый: тупик и поиск выхода (2015-2021).

5.1. Афганские силы безопасности и падение Кундуза.

5.2. Исламское государство в Афганистане.

5.3. Стратегия Трампа и эскалация (2017-2019).

5.4. Переговоры США и Талибана.

5.5. Дохийское соглашение (29 февраля 2020 года).

5.6. От соглашения к окончательному выводу войск.

Глава 6. Стратегии сторон и ключевые операции.

6.1. Эволюция американской стратегии.

6.2. Попытка государственного строительства.

- 6.3. Стратегия Талибана: партизанская война и выживание.
- 6.4. Война за умы: параллельный порядок и ресурсы.
- 6.5. Пакистанские убежища как структурный фактор войны.
- Глава 7. Крах афганского правительства и эвакуация (2021).
- 7.1. Решение Байдена и последние месяцы государства.
- 7.2. Летнее наступление Талибана.
- 7.3. Падение Кабула (15 августа 2021 года).
- 7.4. Эвакуация и конец военного присутствия.
- 7.5. Причины краха афганских сил безопасности.
- 7.6. Конец двадцатилетнего присутствия.
- Глава 8. После войны.
- 8.1. Исламский эмират: внутренняя политика и общество.
- 8.2. Геополитические последствия.
- 8.3. Гуманитарная и экономическая ситуация.
- 8.4. Уроки и оценки.
- Заключение.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы

Американская военная кампания в Афганистане началась 7 октября 2001 года и завершилась выводом последних подразделений США 30 августа 2021 года. Эти даты обозначают границы непосредственного военного участия Соединённых Штатов, но не начало и конец афганского конфликта как такового. К моменту иностранного вмешательства страна уже более трех десятилетий переживала революции, внешнюю интервенцию и гражданские войны. Вывод международной коалиции, в свою очередь, не устранил вооружённое насилие, социальные противоречия и региональное соперничество. Поэтому двадцатилетняя кампания рассматривается в этой книге одновременно как самостоятельный исторический период и как часть более продолжительного кризиса афганской государственности.

Для Соединённых Штатов Афганистан стал самой продолжительной войной в их современной истории. Ею последовательно руководили администрации Джорджа Буша-младшего, Барака Обамы, Дональда Трампа и Джозефа Байдена. Менялись командующие, численность контингентов, способы применения силы и представления о допустимой цене успеха. Первоначально Вашингтон стремился разрушить инфраструктуру «Аль-Каиды» и лишить её афганского убежища. Впоследствии к этой задаче добавились создание новых органов власти, подготовка национальных сил безопасности, поддержка выборов, развитие экономики и преобразование институтов управления. На заключительном этапе главным вопросом стало уже не устройство будущего Афганистана, а определение условий, при которых США смогут прекратить собственное участие в войне.

Внешнее сходство исходной и конечной ситуации очевидно: и осенью 2001 года, и после августа 2021 года власть в Кабуле принадлежала движению «Талибан». Однако это сходство не означает отсутствия исторических изменений. За двадцать лет выросли новые поколения афганцев, изменились города, возникли профессиональные сообщества, связанные с новым правительством и международными организациями. Одновременно накопились потери, усилилась зависимость от внешнего финансирования, появились новые вооружённые противники. Возвращение талибов не восстановило страну образца 2001 года; оно установило их власть над обществом, от части преобразованным предшествующей эпохой.

Отправной точкой американской операции стали террористические атаки 11 сентября 2001 года, в результате которых погибли 2 977 человек, не считая девятнадцати террористов.

Организовавшая нападения «Аль-Каида» использовала афганскую территорию для размещения руководства, подготовки боевиков и установления международных связей. Её отношения с режимом талибов составляли необходимую причину последовавшего вмешательства. При этом «Аль-Каида» и «Талибан» не были одной организацией: первая ориентировалась на международную террористическую деятельность, тогда как второй прежде всего боролся за власть и религиозно-политический режим в Афганистане. Их союз имел принципиальное значение, но не устранял различий между целями и устройством двух движений.

Операция «Несокрушимая свобода» (Enduring Freedom) продемонстрировала способность США быстро разрушать военную организацию противника при сочетании воздушной мощи, действий специальных подразделений и поддержки местных союзников. Осенью 2001 года талибы потеряли основные города, а созданный ими режим прекратил существование в прежнем виде. Тем не менее потеря столицы и распад фронта не означали ликвидации самого движения. Значительная часть его участников пережила поражение, растворилась среди населения либо переместилась за границу. Военная победа открыла политическую проблему, для решения которой используемые в первые месяцы средства оказались недостаточны: кто, на каких основаниях и с чьей поддержкой будет управлять освобождённой территорией.

Судьба Усамы бен Ладена наглядно показывает несовпадение формальных границ операции с реальной географией противостояния. В декабре 2001 года он избежал захвата в районе Тора-Бора; обстоятельства его последующих перемещений долго оставались предметом реконструкций. В мае 2011 года американское специальное подразделение уничтожило его в пакистанском Абботтабаде. Для истории войны существенно не только то, что главная цель первоначальной операции была достигнута спустя почти десятилетие, но и то, что это произошло за пределами Афганистана. Разведывательные сети, финансовые потоки, убежища и маршруты перемещения вооружённых групп образовывали пространство, которое не совпадало с зоной ответственности международных сил.

Масштаб человеческих потерь исключает рассмотрение этой кампании только как истории стратегических ошибок. В сводке проекта Costs of War от 1 сентября 2021 года число погибших непосредственно в результате военного насилия в Афганистане оценивалось примерно в 176 тысяч человек, включая более 46 тысяч гражданских лиц. Это не окончательный подсчёт всех жертв. Он не охватывает косвенную смертность, связанную с разрушением инфраструктуры, нарушением доступа к лечению, продовольствию и воде. Не следует также смешивать афганские показатели с данными по Пакистану, которые в том же исследовательском проекте учитываются отдельно.

Финансовая цена войны требует столь же внимательного обращения с категориями. В расчёте Costs of War, опубликованном в 2021 году, совокупные затраты, отнесённые к афгано-пакистанскому театру военных действий за финансовые годы 2001–2022, оценивались приблизительно в 2,313 триллиона долларов с учётом бюджетного запроса на 2022 год. Эта сумма шире непосредственного финансирования боевых действий: в неё входят связанные увеличения оборонных расходов, дипломатические программы, уже понесённые расходы на ветеранов и начисленные проценты по займам. Будущее обслуживание ветеранов и последующие процентные платежи требуют отдельного учёта. Следовательно, показатель нельзя представлять ни как сумму, переданную афганскому правительству, ни как стоимость исключительно восстановления страны.

Актуальность исследования определяется прежде всего разрывом между масштабом вложенных ресурсов и устойчивостью достигнутых результатов. Коалиция располагала подавляющим превосходством в авиации, разведке, связи, финансировании и подготовке специалистов. Однако это превосходство не обеспечило существования поддерживаемого ею политического порядка после прекращения внешней военной поддержки. Возникает вопрос не о том, могла ли современная армия выигрывать отдельные сражения, а о том, при каких условиях военные

успехи способны создавать необходимый порядок управления. Афганский случай позволяет проследить, как тактическая эффективность может сочетаться со стратегическим поражением.

Особое значение имеет проблема государственного строительства в условиях продолжающейся войны. После 2001 года международные участники стремились одновременно обеспечить безопасность, расширить представительство, наладить государственные услуги и сформировать силы принуждения. Эти задачи были взаимосвязаны, но не всегда совместимы в краткосрочной перспективе. Союз с влиятельным командиром мог способствовать разгрому противника и одновременно закреплять местный порядок. Быстрое расходование средств помогало запускать проекты, но затрудняло контроль за ними. Централизация назначений формально укрепляла Кабул, однако могла отдалять районную администрацию от населения, если должности получали лица, зависевшие прежде всего от столичных покровителей.

Война также стала важным испытанием контрдиверсионных подходов. Их изменение происходило на фоне опыта Ирака и ранее накопленных представлений о борьбе с нерегулярными противниками. Ее нельзя считать изобретением, появившимся исключительно после иракской кампании. В Афганистане особую роль эти подходы получили при наращивании международных сил в конце 2000-х годов. Защита населения, удержание районов и поддержка местного управления должны были соединить военные действия с политическим результатом. Однако практическая реализация зависела от качества партнёров, доступных ресурсов, продолжительности присутствия и способности ограничить восстановление повстанческих структур за пределами непосредственной зоны операций.

Пакистан занимал в этой системе противоречивое положение. США нуждались в его территории и сотрудничестве для снабжения, разведывательной работы и противодействия террористическим сетям. Одновременно афганские вооружённые движения использовали связи и убежища по другую сторону границы. Объяснение этой ситуации требует различать политику гражданского руководства, интересы военных институтов, действия разведывательных структур и поведение местных посредников. Представление о Пакистане как о полностью едином участнике, одинаково контролировавшем все процессы на своей территории, столь же упрощённо, как и изображение его нейтральным наблюдателем. Внешние убежища были не побочным обстоятельством, а одним из факторов устойчивости войны.

Региональный контекст не исчерпывался американо-пакистанскими отношениями. Иран, Россия, Китай, Индия и государства Центральной Азии оценивали происходящее через собственные угрозы и возможности. Борьба с экстремистскими организациями могла сочетаться с опасениями по поводу длительного американского присутствия. Поддержка официального правительства не обязательно исключала контакты с его вооружёнными противниками. Для Афганистана это означало существование нескольких пересекающихся систем внешнего влияния. Ни одна из них не объясняет войну целиком, однако без их учёта невозможно понять, почему внутреннее урегулирование зависело от решений, принимавшихся далеко за пределами Кабула.

Кроме того, сведение истории к решениям Вашингтона и действиям руководства «Талибана» оставляет в тени общество, на территории которого разворачивалось противостояние. Для жителей разных провинций война означала неодинаковый опыт: доступ к новым возможностям мог соседствовать с потерей земли, вынужденным переселением, вымогательством или угрозой нападения. Отношение к государству формировалось через взаимодействие с конкретным полицейским, судьёй, чиновником и военным подразделением. Поддержка одной стороны нередко была условной, менялась со временем и отражала не идеологическое согласие, а стремление обеспечить безопасность семьи в доступных обстоятельствах.

Положение женщин, этнических и религиозных меньшинств, журналистов и работников образования требует отдельного внимания. Их опыт не сводится ни к истории последовательного освобождения при международном присутствии, ни к утверждению о полной неизмен-

ности афганского общества. Возможности зависели от места проживания, доходов, семейных обстоятельств и характера местной власти. Реальные достижения в образовании и общественном участии сосуществовали с насилием, правовой незащищённостью и неравномерностью государственных услуг. Оценивать итоги войны следует так, чтобы признание институционального поражения не стирало индивидуальных достижений, а описание достижений не служило оправданием причинённого ущерба.

Последствия кампании затронули и американское общество. Длительные командировки, ранения, утрата сослуживцев и трудности возвращения к гражданской жизни создали обязательства, не исчезнувшие после вывода войск. При этом данные о психологических последствиях нуждаются в особенно точной интерпретации. Часто цитируемая оценка более 30 тысяч самоубийств, опубликованная *Costs of War* в июне 2021 года, относится к действующим военнослужащим и ветеранам войн после 11 сентября в целом, а не исключительно к участникам афганской кампании. Она не позволяет автоматически приписать все эти смерти одной войне или одной причине, но показывает необходимость учитывать долгосрочную человеческую цену военной политики. [3]

Наконец, афганский опыт важен как предмет исторического знания. Поражение создаёт соблазн описывать весь предшествующий процесс как неизбежное движение к известному финалу. Задача исследования состоит не в оправдании этого движения, а в восстановлении его логики и последствий. Только такой анализ позволяет отличить структурные трудности от конкретных ошибок и понять, какие проблемы были заложены в самой модели вмешательства, а какие усиливались выбранными способами её осуществления.

Цель и задачи книги

Цель книги состоит в комплексном анализе войны в Афганистане 2001–2021 годов: её исторических предпосылок, динамики, стратегий участников и последствий завершения иностранного военного присутствия. В центре исследования находится вопрос о том, почему свержение режима талибов не привело к возникновению устойчивого политического порядка, способного противостоять возвращению движения к власти. Ответ предполагает рассмотрение не только американской политики, но и самостоятельных действий афганских участников, характера региональной среды и отношений между институтами, создаваемыми при внешней поддержке, и обществом, которым они должны были управлять.

Определение конфликта как американо-талибского удобно для обозначения его центральной военно-политической основы, но недостаточно для исчерпывающего описания. На разных этапах действовали афганское правительство, международные контингенты, местные вооружённые формирования, структуры «Аль-Каиды», региональный филиал «Исламского государства» и многие другие субъекты. Их интересы не укладывались в устойчивое разделение на два лагеря. Отдельные группы меняли союзников, договаривались о локальном ненападении или использовали внешние ресурсы для решения собственных конфликтов. Поэтому двусторонняя схема используется как отправная точка, а не как замена анализа действительного состава участников.

Предмет исследования определяет взаимосвязь между применением военной силы, устройством политической власти и зависимостью афганского государства от внешней помощи. Понятие политического порядка здесь включает не только конституционные нормы и официальные учреждения, но и фактические правила распределения ресурсов, разрешения споров и подчинения военной силы. Легитимность понимается как признание права управлять, которое может опираться на разные основания: представительство, религиозный авторитет, защиту от насилия, привычные процедуры или результативность управления. Она не тождественна международному признанию и не возникает автоматически вследствие проведения выборов.

Первая задача книги - реконструировать причины интервенции. Для этого рассматриваются кризис монархического и республиканского развития, революция 1978 года, советское военное присутствие, организация моджахедского сопротивления, распад прежнего государственного аппарата и гражданская война 1990-х годов. Особое внимание уделяется возникновению «Талибана» и его отношениям с «Аль-Каидой». Такое обращение к предыстории необходимо не для поиска единственной первоначальной причины, а для выявления институтов, связей и способов ведения войны, которые продолжили действовать после 2001 года. Новое вмешательство происходило в уже сложившемся пространстве вооружённой борьбы.

Вторая задача - проследить изменение конфликта во времени. В книге используется рабочая периодизация из четырёх этапов: свержение режима талибов и формирование послевоенного устройства в 2001–2003 годах; восстановление партизанской активности и расширение войны в 2003–2008 годах; наращивание сил, контрдиверсионная кампания и передача власти в 2009–2014 годах; ограниченное иностранное присутствие, переговоры и распад государства в 2015–2021 годах. Границы этих этапов условные. Перемены происходили не одновременно во всех провинциях, а некоторые практики сохранялись при смене официальных стратегий и в разных операциях.

Третья задача - сопоставить стратегии участников. Для американской стороны анализируется соотношение антитеррора, антипартизанской борьбы, подготовки союзных сил и государственного строительства. Для «Талибана» рассматривается сочетание вооружённых действий, принуждения, политических договорённостей, информационной работы и организации параллельного управления. Отдельно исследуется поведение афганского правительства, которое нельзя считать только исполнителем внешних указаний. Его руководители стремились удерживать коалиции элит, распределять назначения и ресурсы, добиваться международной поддержки и одновременно ограничивать вмешательство союзников в собственные решения. Несовпадение интересов партнёров влияло на результаты не меньше, чем действия противника.

Четвёртая задача - определить механизмы воспроизводства войны. К ним относятся доступ к внешним ресурсам, способы финансирования вооружённых групп, местные конфликты вокруг собственности и власти, коррупционные отношения, а также последствия насилия против гражданского населения. Важно установить, каким образом отдельное действие, предпринятое ради краткосрочной безопасности, могло создавать дополнительные источники сопротивления. Вместе с тем исследование не исходит из предположения, что повстанческая активность была лишь ответом на ошибки коалиции. У движения существовали собственные политические цели, идеологические установки, организационные ресурсы и практики принуждения, требующие самостоятельного объяснения.

Пятая задача - проанализировать крах афганских сил безопасности и государственных институтов в 2021 году. Здесь необходимо различать длительно накапливавшуюся уязвимость и события, превратившие её в быстрый распад. Зависимость от иностранного финансирования, технического обслуживания и воздушной поддержки не объясняет автоматически конкретную последовательность сдачи районов и городов. Для этого требуется рассмотреть изменение ожиданий после переговоров о выводе войск, состояние снабжения, решения командования, локальные соглашения и представления участников о возможности продолжать сопротивление. Падение армии и падение политической власти анализируются как взаимосвязанные, но не полностью совпадающие процессы.

Шестая задача - оценить последствия войны в нескольких измерениях. Человеческое измерение включает погибших, раненых, перемещённых лиц и долговременные социальные потери. Институциональное связано с судьбой созданных организаций, кадров и управленческих практик. Финансовое охватывает прямые расходы и отложенные обязательства. Региональное касается изменения отношений между соседними государствами, трансграничной без-

опасности и возможностей вооружённых сетей. При таком подходе итог не выражается одним показателем: военное поражение, прекращение иностранного присутствия, социальные изменения и сохранение террористических угроз принадлежат к разным аналитическим уровням.

Сквозными для книги остаются три вопроса. Почему военное превосходство коалиции не преобразовалось в устойчивую политическую победу? Как сочетались союзнические отношения США с Пакистаном и сохранение пространства для восстановления организаций афганских боевиков? Каким образом ограниченная по первоначальной формулировке контртеррористическая задача превратилась в длительное участие в переустройстве государства? Эти вопросы связаны, но не сводятся друг к другу. Их совместное рассмотрение позволяет избежать объяснения войны исключительно ошибками одного президента, особенностями одной доктрины или предполагаемой неизменностью афганской культуры.

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что главным противоречием кампании стало несовпадение между способом создания афганских институтов и условиями их самостоятельного существования. Организации могли успешно выполнять отдельные функции при постоянном внешнем обеспечении, не приобретая способности воспроизводить эти функции после его прекращения. Однако данное предположение не должно подменять исследование заранее готовым приговором. В каждой главе необходимо проверять, какие зависимости действительно были критическими, какие изменения оказались устойчивыми и какие альтернативные решения были практически доступны участникам. Неизбежность поражения не принимается в качестве исходной посылки.

Методологическая основа и источники

Методологически книга сочетает хронологический и проблемно-аналитический подходы. Хронология позволяет установить последовательность решений и событий, без которой невозможно различить причину, условие и следствие. Тематический анализ выявляет процессы, продолжавшиеся при смене администраций и оперативных планов: зависимость государственных финансов, роль местных посредников, организацию международных связей и противоречия между официальной отчётностью и реальным положением дел. Ни один подход не является достаточным сам по себе. Последовательный рассказ рискует растворить объяснение в деталях, тогда как исключительно тематическая схема способна скрыть изменение возможностей участников во времени.

Структура книги отражает это сочетание. Первая глава раскрывает исторические предпосылки конфликта. Главы со второй по пятую следуют четырём выделенным этапам войны и прослеживают изменения политических целей, военного присутствия и характера противостояния. Шестая глава сопоставляет стратегии сторон на всём протяжении кампании. Седьмая посвящена кризису 2021 года, причём его события рассматриваются не как изолированная катастрофа, а как результат взаимодействия ранее сформировавшихся зависимостей и решений последнего периода. Восьмая глава подводит итоги и разграничивает непосредственные результаты войны, её отложенные последствия и вопросы, которые остаются открытыми.

Анализ ведётся на трёх взаимосвязанных уровнях. На военно-оперативном уровне рассматриваются способы применения силы, территориальная динамика, подготовка подразделений и обеспечение операций. На институциональном - устройство органов власти, распределение полномочий, качество управления и механизмы подотчётности. На региональном - международные договорённости, внешняя поддержка, убежища и интересы соседних государств. Такое разделение условно: например, прекращение технической помощи одновременно является внешнеполитическим решением, институциональным потрясением и оперативной проблемой. Его значение можно установить только при переходе между уровнями, а не посредством изолированного изучения каждого из них.

Первую группу источников образуют официальные документы. В неё входят резолюции Совета Безопасности ООН 1368, 1373, 1386, 1510 и 2513, Боннское соглашение от 5 декабря

2001 года, американо-талибское соглашение, подписанное в Дохе 29 февраля 2020 года, а также стратегические документы и публичные заявления американских администраций. При их использовании необходимо различать политическое обоснование, международно-правовую аргументацию и конкретный мандат операции. Упоминание права на самооборону, создание международных сил содействия безопасности и последующее расширение их полномочий представляют собой разные решения, которые нельзя объединять в одну недифференцированную санкцию на двадцатилетнюю войну.

Официальный документ показывает прежде всего то, что участник намеревался закрепить, публично объяснить или согласовать с партнёрами. Он не доказывает, что заявленная политика была реализована полностью. Поэтому формулировки стратегий сопоставляются с ресурсами, сроками, решениями на местах и наблюдаемыми результатами. Особое внимание уделяется изменению критериев успеха: уничтожение конкретной сети, снижение уровня насилия, расширение государственного присутствия и способность афганских сил действовать самостоятельно являются разными целями. Перемещение между ними могло создавать впечатление непрерывного прогресса даже при отсутствии решения первоначальной или вновь объявленной задачи.

Вторую группу составляют материалы специализированных органов и исследовательских проектов: отчёты Специального генерального инспектора США по восстановлению Афганистана, известного по аббревиатуре SIGAR, публикации Миссии ООН по содействию Афганистану (UNAMA), исследования *Costs of War* и обзоры Управления ООН по наркотикам и преступности. Они позволяют сопоставлять официальные заявления с данными о финансировании, институциональных результатах, гражданских потерях и нелегальной экономике. Вместе с тем их назначение различается. Аудиторская проверка программы, мониторинг прав человека и исследовательская оценка совокупных расходов используют неодинаковые категории и не должны восприниматься как части единой статистической системы.

Особое место занимают расследования и оценки. Доклад Национальной комиссии по терактам 11 сентября раскрывает предысторию нападений и проблемы американской системы безопасности. Материалы SIGAR о распаде афганских сил безопасности помогают выявить зависимости, которые могли недооцениваться в текущей отчётности. В данном случае следует различать промежуточный доклад 2022 года и итоговую оценку 2023 года. В изложении выводов SIGAR подчёркивается решающее значение вывода американских войск и подрядчиков в условиях неспособности афганских сил обеспечивать себя самостоятельно; одновременно рассматриваются долговременные организационные недостатки и решения афганского руководства. [4]

Следующую группу образуют мемуары, интервью, выступления и профессиональные публикации участников. Для изучения американской политики существенны свидетельства Томми Фрэнкса, Роберта Гейтса, Стэнли Маккрисала и других военных и гражданских руководителей. Их ценность заключается в возможности восстановить восприятие ситуации, межведомственные разногласия и неформальные связи. Однако воспоминание не является нейтральной записью прошлого. Автор знает последующий исход, может защищать собственные решения и располагать неполной информацией о действиях других ведомств. Такие материалы используются не вместо проверки, а как самостоятельный объект исследования.

Исследовательская литература представлена работами Антонио Джустоцци, Картера Малкасяна, Ананда Гопала, Томаса Барфилда и других авторов, изучавших политическую историю Афганистана, повстанческие организации и практики международного вмешательства. Их подходы различаются по масштабу и исследовательским вопросам. Общая история государства помогает избежать представления об Афганистане как о стране без институтов и политической традиции. Работы о конкретных провинциях и сообществах показывают, каким образом национальные стратегии преобразовывались в местные отношения власти. Исследо-

вания вооружённых организаций позволяют рассматривать противника не как неизменную массу, а как структуру, способную обучаться, конфликтовать внутри себя и приспосабливаться.

Материалы международных и афганских средств массовой информации необходимы для восстановления событий, не получивших подробного отражения в официальных документах. При этом сообщение, сделанное в момент боя или смены власти, может содержать предварительные сведения, неточные числа и зависеть от доступности собеседников. По возможности такие публикации сопоставляются с последующими расследованиями и независимыми свидетельствами. Отдельно учитывается ограниченность доступа журналистов к сельским районам и территориям под контролем вооружённых групп. Хорошо освещённое событие не обязательно является наиболее типичным, а отсутствие публикаций не свидетельствует об отсутствии насилия или политической активности.

Работа с количественными данными строится на указании источника, даты оценки, территории и состава учитываемых категорий. Число зарегистрированных военнослужащих не тождественно числу бойцов, доступных командованию; заявленная площадь контроля не раскрывает степень подчинения населения; стоимость контрактов не совпадает с объёмом полученных обществом услуг. Если источники используют разные определения, их показатели не объединяются механически. При наличии нескольких обоснованных оценок предпочтительнее представить диапазон и объяснить расхождение, чем выбрать наиболее выразительную цифру. Точность формулировки в таком случае важнее видимости арифметической определённости.

Особая осторожность необходима при анализе потерь. Данные UNAMA, обычно используемый для сопоставления гражданских жертв, начинается с 2009 года; это не означает, что до указанной даты не существовало отдельных отчётов и других наблюдений. Более ранние сведения отличаются полнотой и методикой. Сведения о непосредственных смертях вследствие насилия также нельзя без пояснений складывать с оценками косвенной смертности. [5]

Данные о наркотической сфере анализируются с учётом различий между площадью посевов, объёмом урожая, доходами производителей, стоимостью оптовой торговли и поступлениями конкретных вооружённых организаций. Экономическая сторона войны рассматривается через механизмы налогообложения, кредита, покровительства и контроля маршрутов, а не посредством отождествления одной организации со всем нелегальным рынком.

Терминология книги последовательно разграничивает организации, режимы и международные миссии. «Талибан» обозначает движение, возникшее в 1994 году, его руководящие структуры и связанные с ним вооружённые формирования; первое талибское правление относится к 1996–2001 годам, восстановленное — к периоду после августа 2021 года. «Аль-Каида» обозначает отдельную международную организацию, основанную Усамой бен Ладеном. Под Северным альянсом понимается объединение антиталибских сил, известное также как Объединённый исламский фронт спасения Афганистана. Эти определения не предполагают внутренней однородности названных организаций на всём протяжении их существования.

ISAF расшифровывается как Международные силы содействия безопасности; эта миссия не отождествляется с операцией «Несокрушимая свобода». ANA и ANP обозначают Афганскую национальную армию и Афганскую национальную полицию; для совокупности оборонных и силовых структур используется также обозначение ANDSF. ИГ-Х означает региональное подразделение «Исламского государства», известное как «Вилаят Хорасан». Названия операций при первом упоминании сопровождаются английским оригиналом. Термины «государственное строительство» и «строительство нации» не используются как полные синонимы: создание административных возможностей следует отличать от формирования общей политической идентичности, хотя в практике вмешательства эти задачи часто смешивались.

Наконец, методологическим ограничением исследования является неравномерность доступных свидетельств. Решения американских ведомств документированы подробнее, чем

многие неформальные договорённости на районном уровне. Публичная отчётность лучше отражает расходы, чем изменение доверия, а институциональные документы чаще сохраняют позиции руководителей, чем опыт рядовых участников. Признание этих ограничений не отменяет возможности объяснения, но задаёт его границы. Там, где источники позволяют установить лишь вероятную связь, она не представляется доказанным фактом; там, где существуют конкурирующие объяснения, их различия должны быть обозначены, а не скрыты за категоричным итоговым суждением.

ГЛАВА 1. ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА

1.1. Афганистан накануне войны: государство после нескольких десятилетий вооружённых конфликтов

К осени 2001 года Афганистан вступал в очередной международный кризис с ликвидированными государственными институтами, разрушенной инфраструктурой и обществом, значительная часть которого имела непосредственный опыт войны и вынужденного переселения. Однако определение страны как пространства без государственного управления было бы неточным. Сохранялись местные уровни управления, экономические связи и представления о законной власти. Основная проблема заключалась в разрыве между формальным существованием государства и его способностью обеспечивать безопасность, собирать доходы, предоставлять услуги и добиваться исполнения решений на всей территории. Этот разрыв имел историю и не мог быть устранён одной сменой правителей.

Для понимания исходной ситуации необходимо отказаться и от представления об Афганистане как об обществе, по своей природе неспособном к государственности. В разные периоды центральная власть поддерживала отношения с провинциями посредством сочетания принуждения, договорённостей, субсидий и признания местных посредников. Её присутствие было неравномерным, но не обязательно воспринималось исключительно как чуждое. Государственные школы, армия, суды и административные органы включали людей в общенациональные структуры. Войны конца XX века не обнаружили некую вечную неизменность страны, а радикально преобразовали ранее существовавшие отношения между центром, местными элитами и населением.

При монархии Мухаммеда Захир-шаха, правившего с 1933 по 1973 год, Афганистан сохранял относительную политическую стабильность, хотя она не означала равномерного развития или отсутствия конфликтов. Модернизация концентрировалась в отдельных городах и секторах, зависела от внешней помощи и продвигалась значительно медленнее в сельских районах. Кабул был связан с международной средой иначе, чем многие удалённые долины. Этот разрыв имел не только хозяйственное, но и политическое значение: проекты преобразования общества формулировались образованными группами, чьи представления о государстве могли существенно отличаться от ожиданий местных религиозных авторитетов, землевладельцев и сельских общин.

Свержение монархии Мухаммедом Даудом в июле 1973 года не стало немедленным началом всеобщей войны, но обозначило новый этап борьбы вокруг устройства власти. Республика унаследовала проблемы ограниченных государственных ресурсов, зависимости от внешнего содействия и напряжённых отношений с Пакистаном. Одновременно в политизированной среде офицерства, студентов и интеллектуалов усиливались конкурирующие проекты радикального переустройства. Левые организации и исламистские движения формировались во многом внутри созданных модернизацией институтов. Их последующее столкновение нельзя объяснить только противоположностью города и деревни, хотя этот разрыв существенно влиял на мобилизацию.

Апрельский переворот 1978 года привёл к власти Народно-демократическую партию Афганистана. Её руководство приступило к преобразованиям земельных отношений, образо-

вания и общественной жизни, сопровождавшимся репрессиями и попытками административного ускорения перемен. Сопротивление возникало по разным причинам: из-за религиозных убеждений, угрозы собственности, неприятия принудительных методов, местных конфликтов и насилия со стороны государства. Внутрипартийная борьба дополнительно ослабляла управляемость. Таким образом, восстание не было единым движением с одной программой; различные противники режима сближались перед лицом общего врага, сохраняя собственные основания участия в борьбе.

Ввод советских войск начался 25 декабря 1979 года. Два дня спустя, 27 декабря, советские подразделения захватили ключевые объекты в Кабуле; Хафизулла Амин был убит, а руководство страной перешло к Бабраку Кармалю. Разграничение этих дат важно: начало ввода контингента и операция по смене афганского руководства были связанными, но отдельными событиями. Вмешательство существенно изменило масштаб конфликта. Противостояние режиму получило дополнительную мобилизующую рамку сопротивления иностранному военному присутствию, а Афганистан стал одним из важных направлений международного соперничества позднего этапа холодной войны.

На протяжении последующего десятилетия советские войска и афганские правительственные силы противостояли многочисленным формированиям моджахедов. Условия войны различались по регионам: горные долины, сельскохозяйственные районы, города и коммуникационные узлы требовали разных способов контроля. Захват населённого пункта не всегда обеспечивал длительное подчинение окружающей территории. Сопротивление могло сохраняться за счёт местных связей, небольших мобильных подразделений и возможности восстанавливать силы вне зоны непосредственного давления. Эти особенности позднее вновь проявились в иной организационной и технологической обстановке, однако механическое отождествление советской и американской кампаний скрывало бы существенные различия их целей и устройства.

Внешняя поддержка моджахедов придавала войне международный характер. Американское финансирование и поставки по линии программы «Циклон» сочетались с саудовским участием и распределялись при ключевой посреднической роли пакистанской Межведомственной разведки, известной как ISI. Механизм распределения влиял не только на объём доступного вооружения, но и на соотношение сил между афганскими оппозиционными партиями. Организация, имевшая надёжного внешнего покровителя, получала преимущества перед соперниками, даже если её местная поддержка была ограниченной. Тем самым международная помощь становилась фактором внутреннего политического отбора и способствовала закреплению зависимости вооружённых структур от зарубежных каналов.

При этом происхождение последующих организаций не следует описывать как простую прямую линию от американских поставок к «Талибану» или «Аль-Каиде». Различные группы возникали в пересекавшихся, но не тождественных средах. Афганские моджахеды, иностранные добровольцы, пакистанские религиозные сети и будущие руководители талибов имели разные биографии и организационные связи. Утверждение об общей инфраструктуре войны не доказывает прямого финансирования каждой возникшей позднее организации со стороны каждого иностранного участника. Для анализа существеннее другое: десятилетие борьбы создало устойчивые маршруты снабжения, кадры, практики вооружённой мобилизации и международные связи, пережившие первоначальный конфликт.

Женевские соглашения 1988 года создали международную рамку вывода советского контингента, завершившегося 15 февраля 1989 года. Однако прекращение прямого советского участия не привело к немедленному падению правительства Мухаммеда Наджибуллы. Оно продолжало существовать, опираясь на вооружённые силы, внешние поставки, городские административные структуры и соглашения с региональными силами. Этот эпизод важен для всей последующей истории: устойчивость зависимого режима определяется не только присут-

ствием иностранных боевых частей. Финансирование, снабжение, доступ к ресурсам, стабильность взаимоотношения военного командования и политических коалиций могут на определенное время компенсировать уход внешнего контингента.

Распад СССР и прекращение прежней поддержки существенно изменили условия существования кабульского правительства. Весной 1992 года его система союзов и армии разрушилась. Переход отдельных влиятельных командиров на сторону противников ускорил кризис, а формальные государственные структуры не смогли удержать прежнее единство. Здесь также проявилась особенность афганской вооружённой политики: изменение ожиданий относительно будущего режима могло приводить к цепной реакции переориентации местных полевых командиров. При этом падение правительства не устраняло вооружённые организации и накопленные противоречия; оно лишь освобождало пространство для нового этапа борьбы за столицу и распределение власти.

Вступление моджахедов в Кабул в 1992 году не завершило войну. Попытки создать общую систему управления столкнулись с конкуренцией партий, полевых командиров и внешних покровителей. Формирования, связанные с Бурхануддином Раббани и Ахмад Шахом Масудом, Гульбеддином Хекматъяром, Абдул-Рашидом Дустумом и хазарейскими политическими организациями, вступали в изменчивые союзы и противостояния. Эти отношения нельзя свести к неизменной этнической карте: происхождение участников имело значение, но сотрудничество и вражда определялись также территориальными интересами, доступом к ресурсам и текущим соотношением сил. Устойчивого соглашения о правилах раздела власти выработать не удалось.

Боевые действия нанесли Кабулу тяжелейший ущерб. Артиллерийские обстрелы, уличные столкновения, разграбление имущества и насилие против мирных жителей разрушали не только городскую застройку, но и доверие к победителям антисоветской войны. Для населения различие между политической программой партии и повседневным поведением её вооружённых сторонников становилось всё менее значимым. Командир, претендовавший на участие в национальном правительстве, мог восприниматься прежде всего как источник поборов и угрозы. В такой среде требование порядка приобретало самостоятельную политическую силу: обещание прекратить произвол могло быть привлекательнее неопределённых перспектив представительства и конституционного устройства.

Разрушение государства происходило не только в столице. Во многих районах контроль над дорогами, рынками, складами и таможенными переходами обеспечивал вооружённым группам доходы независимо от существования общенационального бюджета. Право собирать платежи определялось фактической силой и соглашениями между местными участниками. Торговцы и жители могли сталкиваться с несколькими последовательными поборами на одном маршруте. Подобная фрагментация препятствовала восстановлению хозяйства, но одновременно создавала материальную заинтересованность в сохранении раздробленного порядка. Для тех, кто извлекал выгоду из блокпостов и посредничества, сильная единая администрация представляла не только решение общей проблемы, но и угрозу собственному положению.

На этом фоне в 1994 году в районе Кандагара возникло движение «Талибан», связанное с именем муллы Мухаммеда Омара. Его ранняя привлекательность для части населения основывалась на обещании разоружить конкурирующие отряды, прекратить вымогательство и восстановить стабильность передвижения и торговли. Однако поддержка не была всеобщей, а распространение власти движения происходило не только посредством добровольного признания. Военные победы, договорённости, переходы командиров, внешнее содействие и принуждение дополняли друг друга. Объяснять подъём «Талибана» исключительно усталостью простого народа от войны столь же недостаточно, как и сводить его только к одной зарубежной поддержке.

Религиозное образование части участников и связи с различными медресе в Афганистане и Пакистане способствовали формированию общих норм и организационной общности. Тем не менее движение нельзя считать простым воплощением некой единой афганской традиции. Его требования к общественной жизни представляли определённый религиозно-политический проект, который мог вступать в конфликт с местными обычаями и более ранними практиками. Отношения с племенными авторитетами также не сводились к автоматическому подчинению или совпадению интересов. Руководство талибов стремилось утверждать собственную иерархию, способную ограничивать автономию других центров влияния, даже если пользовалось их содействием на отдельных этапах.

После захвата Кабула в сентябре 1996 года талибы установили свой режим, назвав его Исламский эмират Афганистан. Он претендовал на общенациональную власть, но не обеспечивал широкого политического представительства и продолжал войну с противниками. Жёсткие ограничения в отношении женщин, религиозное принуждение и преследование несогласных составляли не внешнюю особенность режима, а часть его устройства. Способность подавлять отдельные формы повседневного насилия не отменяла насилия со стороны самой власти. Поэтому представление о восстановленном порядке необходимо каждый раз уточнять: чья безопасность улучшалась, какими средствами это достигалось и какие группы оказывались лишены защиты.

К осени 2001 года талибы контролировали большую часть территории страны, приблизительно в девять десятых. Однако сама доля территории не раскрывает качества управления. Контроль над городом, дорогой, районным центром и удалённой сельской местностью предполагал разные возможности вмешательства в повседневную жизнь. В одних местах власть опиралась на постоянное присутствие назначенных представителей, в других - на посредников и соглашения. Даже при формальном подчинении оставались вопросы сбора доходов, исполнения решений и взаимодействия с местными сообществами. Карта военного контроля была значительно проще, чем действительная карта местного управления.

Главным организованным противником талибов оставался Северный альянс. Его силы сохраняли позиции прежде всего на северо-востоке, включая Панджшер и Бадахшан, а линия фронта менялась в зависимости от сезона и оперативной обстановки. Ахмад Шах Масуд играл центральную роль в военном сопротивлении, однако объединение не было полностью однородной организацией под единым руководством. Оно включало участников с различными региональными интересами и прежним опытом соперничества. Поддержка со стороны внешних государств, в том числе через среднеазиатские маршруты, помогала сохранять борьбу в условиях значительного превосходства талибов по занимаемой территории.

Убийство Масуда 9 сентября 2001 года стало тяжёлым ударом по антиталибским силам непосредственно перед нападениями на США. Для будущей международной кампании это означало, что её потенциальные местные союзники вступали в новый этап войны после утраты одного из наиболее авторитетных командиров. Однако их политические цели не исчерпывались помощью Вашингтону. Они стремились изменить внутреннее соотношение сил, вернуться в столицу и закрепить собственные позиции в послевоенном устройстве. Уже здесь возникало принципиальное расхождение между внешней задачей разгрома террористической инфраструктуры и внутренней борьбой за распределение власти в Афганистане.

Международное положение эмирата оставалось крайне ограниченным. Его официально признали только Пакистан, Саудовская Аравия и Объединённые Арабские Эмираты. Таким образом, фактическое обладание столицей не совпадало с международно признанным правом представлять государство. Укрытие руководства «Аль-Каиды», санкционное давление и репрессивная политика усиливали изоляцию. Вместе с тем изоляция не означала прекращения всех внешних связей: торговля, гуманитарная деятельность, посреднические контакты продолжались, образуя неоднородную среду взаимодействия с внешним миром.

Социальная картина страны к 2001 году известна приблизительно. Отсутствие полноценной современной переписи, длительные перемещения населения и слабость государственных институтов ограничивают точность оценок. Обычно речь идёт примерно о двадцати миллионах жителей внутри страны, но сопоставимость конкретных показателей зависит от методики и учёта беженцев. Национальный состав страны был известен только приблизительно. Пуштуны составляли крупнейшую группу; значительную часть населения образовывали таджики, хазарейцы, узбеки и другие общности. При этом этническая принадлежность не определяла политические интересы автоматически и сосуществовала с региональными, религиозными, семейными и профессиональными связями.

Многолетнее пребывание миллионов афганцев в Пакистане и Иране было не только гуманитарным последствием войны, но и фактором преобразования общества. В изгнании формировались новые социальные группы, трудовые навыки, религиозные связи и способы политической активности. Различия между опытом беженцев в двух странах могли влиять на представления о желательном общественном устройстве после возвращения. Семьи поддерживали межграницные хозяйственные отношения и зависели от денежных переводов. Поэтому граница не отделяла полностью внутреннюю афганскую жизнь от внешней среды: для многих людей повседневное существование уже было организовано одновременно в нескольких государствах.

География ослабляла государственное влияние, но не предопределяла политического распада. Сезонная недоступность перевалов, отсутствие нормальной транспортной сети и удалённость населённых пунктов затрудняли доставку продовольствия и связь. Вместе с тем долины и торговые маршруты веками обеспечивали обмен, а местные сообщества не были полностью изолированными. Проблема заключалась в сочетании сложного ландшафта с недостатком ресурсов, разрушениями и боевыми действиями. Дорога могла соединять регионы и одновременно создавать источник дохода для контролировавших её формирований; инфраструктурный объект сам по себе не определял характер возникающей вокруг него власти.

Отсутствие выхода к морю делало внешнюю торговлю зависимой от отношений с соседями, прежде всего с Пакистаном и Ираном. Линия Дюранда, установленная соглашением 1893 года, разделяла зоны расселения пуштунов и оставалась предметом политических разногласий. Степень контроля различных участков границы менялась; утверждать, что её никогда и нигде не контролировали, было бы неверно. Однако протяжённость, рельеф и плотность родственных и торговых связей затрудняли перекрытие границы. Для вооружённых организаций это пространство предоставляло возможности снабжения и укрытия, а для мирных жителей оставалось необходимой средой хозяйственной жизни и поддержания семейных отношений.

Сельское хозяйство обеспечивало существование значительной части населения, но пострадало от разрушения ирригации, перемещения работников, минирования и утраты доступных рынков. Засуха рубежа 1990-х и 2000-х годов усугубила последствия войны. Сокращение урожая означало не только падение доходов: оно усиливало задолженность, вынуждало продавать имущество и делало семьи более зависимыми от кредиторов и посредников. В подобных обстоятельствах выбор хозяйственной стратегии нельзя оценивать исключительно через формальную законность выращиваемой культуры. Для производителя существенны доступ к кредиту, возможность хранения, стоимость перевозки и уверенность, что урожай будет куплен даже при отсутствии нормальной финансовой системы.

Именно в этой среде наркобизнес стал важной частью выживания и вооружённого финансирования. Однако ситуация непосредственно перед вторжением требует уточнения. После объявленного талибами в 2000 году запрета выращивания опийного мака посевы резко сократились: обследование ООН зафиксировало около 82 тысяч гектаров в 2000 году и приблизительно 7,6 тысячи в 2001 году. Основная часть сохранявшихся посевов находилась в Бадахшане, вне контроля талибов. Следовательно, характеристика осени 2001 года как момента

непрерывного роста производства опиума была бы ошибочной. Запрет показал способность режима добиваться исполнения определённого решения, но не означал исчезновения всего наркобизнеса.

Сокращение выращивания следует отличать от прекращения торговли запасами, ликвидации задолженности и появления альтернативных доходов. Даже запрет мог резко ухудшать положение зависевших от прежних кредитных отношений домохозяйств. Для последующего периода этот опыт имеет двойное значение. С одной стороны, он опровергает представление о полном отсутствии у талибов возможностей принуждения в хозяйственной сфере. С другой - показывает ограниченность оценки политики по одному индикатору посевной площади. Устойчивость перемен зависела от того, могли ли люди поддерживать существование и обслуживать долги без возвращения к прежней экономической практике.

Финансовая жизнь не сводилась к официальным учреждениям. Система хавала обеспечивала переводы и расчёты через сети посредников, связанные репутацией и взаимными обязательствами. Её значение объяснялось не только использованием в нелегальной торговле, но и потребностями обычных семей, предпринимателей и гуманитарных организаций в условиях слабой банковской системы. Неверно утверждать, что такие операции по определению не оставляли никаких записей: посредники могли вести собственный учёт, хотя он не был равнозначен прозрачной государственной отчётности. Для будущего восстановления это означало необходимость взаимодействовать с уже действующими финансовыми механизмами, а не просто заменять предполагаемую пустоту импортированными учреждениями.

Аналогичным образом местное разрешение споров продолжалось и при слабости официальных судов. Старейшины, религиозные авторитеты, советы и влиятельные посредники участвовали в регулировании земельных, семейных и хозяйственных конфликтов. Эти практики не следует ни идеализировать, ни считать несущественными. Они могли обеспечивать доступное разбирательство, но одновременно закреплять неравенство и зависимость слабых участников от сильных. Вопрос для будущего государства состоял в том, каким образом связать местную доступность правосудия с общими правовыми гарантиями. Простое учреждение районного суда не устраняло конкуренцию за право объяснять норму и обеспечивать её исполнение.

Образование, здравоохранение и подготовка кадров также сохранялись неравномерно. Отъезд специалистов, разрушение учреждений, ограничения политического режима и недостаток финансирования резко сузили доступ населения к базовым услугам. Однако утверждение о необходимости создать все системы полностью с нуля не соответствует действительности. В стране и диаспоре оставались люди с профессиональным опытом, существовали уцелевшие учреждения и местные формы оказания помощи. Реальная задача заключалась в восстановлении, расширении и согласовании разрозненных возможностей, причём в условиях политической борьбы.

К началу международной операции Афганистан, таким образом, представлял собой не просто бедное и разрушенное государство, а сложную систему распределённой власти. Центральные власти сосуществовали с местными соглашениями, международная изоляция - с развитыми межграницными связями, общественная усталость от войны - с экономическими интересами её участников. Население нуждалось в безопасности и социальной поддержке, но не обладало единым представлением о том, как и кто должен определять будущий порядок. Любой внешний участник неизбежно взаимодействовал бы не с абстрактным обществом, а с конкретными посредниками, чьё влияние имело собственную историю и нередко основывалось на вооружённой силе.

Эти обстоятельства не делали неудачу последующего вмешательства неизбежной, но определяли сложность поставленной задачи. Свержение режима могло быть достигнуто значительно быстрее, чем согласование нового политического устройства. Главный исторический вывод из положения страны накануне войны состоит не в утверждении о невозможности изме-

нений, а в необходимости различать военный контроль, административную эффективность и политическую легитимность. Именно разрыв между этими тремя измерениями станет одним из определяющих противоречий кампании 2001–2021 годов.

1.2. Талибан: происхождение движения и путь к власти

Возникновение «Талибана» в 1994 году стало результатом соединения нескольких процессов: распада общенационального управления, разочарования в победителях войны с Советским Союзом, расширения религиозно-образовательных сетей и заинтересованности внешних участников в появлении более предсказуемой силы на юге Афганистана. Движение выросло не на свободном от политики пространстве. В его распоряжении оказались люди с военным опытом, связи между афганскими и пакистанскими религиозными учреждениями, маршруты снабжения и общественный запрос на прекращение произвола. Новизна заключалась прежде всего в способе объединения этих ресурсов и в заявленной претензии заменить конкуренцию командиров единым религиозным порядком.

Название движения происходит от слова арабского происхождения «талиб» - «ищущий знания», «учащийся», употребляемого в том числе в пушту и дари. Образ учеников религиозных школ имел самостоятельное политическое значение: он позволял противопоставить участников движения корыстным военным вождям и представить их людьми, возвращающими общество к правильным нормам. Однако этот образ не следует принимать за исчерпывающее описание состава организации. Наряду с молодыми учащимися в ней действовали ветераны моджахедского сопротивления и командиры, ранее принадлежавшие другим группировкам. Среди присоединившихся встречались также бывшие представители прежних государственных и партийных структур.

Центральной фигурой стал мулла Мухаммед Омар, участник войны против советских и афганских правительственных сил, связанный с движением «Харакат-и инкилаб-и ислами». После завершения наиболее активного периода своей прежней военной деятельности он занимался религиозным преподаванием в районе Кандагара. Его авторитет первоначально основывался не на управлении крупной территорией, богатстве или известности, а на репутации местного религиозного деятеля и ветерана. Биографические рассказы об Омаре, включая обстоятельства его ранений и первых выступлений против полевых командиров, позднее стали частью истории движения. Поэтому подробности этих эпизодов требуют проверки, а не воспроизведения как бесспорной хроники.

Ранние повествования о талибах часто строились вокруг освобождения заложников, наказания насильников и разоружения отрядов, грабивших население. Независимо от достоверности каждого конкретного рассказа, они выражали важную политическую формулу: власть должна оправдывать себя прекращением злоупотреблений, а не прежними заслугами в войне. Для жителей, торговцев и перевозчиков значение имели безопасность дорог, понятные платежи и возможность передвигаться без переговоров с каждым новым блокпостом. Часть поддержки движения была связана именно с такими практическими ожиданиями. Из этого, однако, не следует, что поддерживавшие восстановление порядка заранее соглашались со всей будущей системой общественных запретов.

Сеть медресе в Афганистане и Пакистане предоставляла движению кадры, общие представления об авторитете и каналы мобилизации. Важную роль играли учреждения деобандийской традиции, особенно в Белуджистане и тогдашней Северо-Западной пограничной провинции Пакистана. Для многих семей беженцев религиозная школа была доступным источником образования, питания и социальных связей. Обучение формировало среду знакомств, которая могла использоваться при наборе сторонников. При этом деобандийское направление значительно шире истории «Талибана»: принадлежность к нему сама по себе не означала поддержки вооружённого движения, а выпускников медресе нельзя автоматически считать будущими боевиками.

Организационное преимущество талибов состояло в сочетании религиозной общности с уже существовавшим военным опытом. Представление о полностью неопытных юношах, внезапно разгромивших армии полевых командиров, скрывает роль ветеранов, переходов на их сторону и передачи оружия. Одни группы присоединялись по убеждению, другие рассчитывали сохранить положение в новом порядке, третьи уступали перед более сильным противником. Поэтому рост движения происходил не только через набор отдельных добровольцев, но и через включение целых групп. Это усиливало влияние, одновременно создавая необходимость подчинять неоднородных участников общему руководству.

Пакистанское содействие приумножало эти преимущества. Исламабад был заинтересован в связях с Афганистаном и в появлении в Кабуле власти, не ориентированной на Индию. Однако поддержка поступала через разные каналы: государственные структуры, религиозные партии, торговые интересы и частных посредников. Можно увязать усиление движения с предоставлением военной помощи, содействием набору бойцов и использованием пакистанской территории для снабжения. Влияние внешнего покровителя было значительным, но не тождественным полному контролю. Впоследствии именно несовпадение интересов Исламабада и талибов станет одним из важных обстоятельств кризиса 2001 года.

В ноябре 1994 года талибы установили контроль над Кандагаром. Захват крупного южного центра обеспечил им склады, транспорт, тяжёлое вооружение и политическую известность. Дальнейшее продвижение на запад и к столице превратило местную организацию в претендента на общенациональную власть. Однако наступление не было непрерывной цепью лёгких побед. Весной 1995 года движение столкнулось с серьёзным сопротивлением на подступах к Кабулу. Неудача показала, что разоружение отдельных полевых командиров и борьба против крупных организованных сил представляли разные военные задачи. Расширение территории требовало перегруппировки, новых союзов и более устойчивого снабжения.

В сентябре 1995 года падение Герата и поражение сил Исмаил-хана изменили баланс на западе страны. Талибы получили важный торговый центр и возможность воздействовать на коммуникации, связывавшие Афганистан с Ираном. География наступления имела политическое значение: движение выходило за пределы своего первоначального южного направления и предъявляло претензии на управление другими регионами. Одновременно росла настороженность соседних государств. То, что сторонники представляли восстановлением единства, противники воспринимали как установление власти узкой военно-религиозной группы, не намеренной договариваться о равноправном разделении полномочий.

Весной 1996 года собрание религиозных деятелей в Кандагаре поддержало принятие Омаром титула эмира правоверных. Его публичное появление с хранившимся в городе плащом, почитаемым как реликвия пророка Мухаммеда, соединяло политическое лидерство с религиозным символизмом. Это произошло до захвата Кабула и обозначало расширение притязаний движения. Омар представлялся уже не просто командиром южных отрядов, а носителем верховного религиозно-политического авторитета. Вместе с тем подобное признание со стороны сторонников не означало согласия всех афганских религиозных школ и общин, тем более единодушного признания за пределами страны.

27 сентября 1996 года талибы вошли в Кабул после отхода сил Ахмад Шаха Масуда. Бывший президент Мухаммед Наджибулла, укрывавшийся в посольстве ООН, и его брат были захвачены и убиты; их тела выставили на публичное поругание. Расправа стала демонстрацией характера новой власти и показала отсутствие защиты, которую могли обеспечить международные учреждения в условиях смены режима. Захват столицы не завершил гражданскую войну, но позволил талибам претендовать на общенациональную власть. В 1997 году талибы назвали свое государство Исламский эмират Афганистан.

Политический центр нового порядка оставался в Кандагаре, где находился Омар и принимались ключевые решения. В Кабуле действовали министерства и административные учрежде-

ния, часть которых опиралась на сохранившиеся кадры прежнего аппарата. Такое устройство создавало расхождение между формальной столицей и реальным центром верховной власти. Доступ к руководителю, религиозная репутация и доверие внутри движения могли иметь большее значение, чем должность в установленной иерархии. При этом сводить управление к отсутствию институтов было бы неверно: режим назначал должностных лиц, собирал доходы, содержал вооружённые силы и добивался исполнения распоряжений.

В общественной жизни талибы стремились установить обязательность исполнения религиозных норм. Ограничения касались внешнего вида, культурной деятельности, поведения в публичном пространстве и отношений между мужчинами и женщинами. Особенно тяжёлые последствия имели запреты и ограничения женского образования, занятости и передвижения. Они сокращали возможности самостоятельного существования и затрудняли доступ к помощи. Вместе с тем практика не была совершенно одинаковой: сохранялись отдельные исключения, в частности в здравоохранении, а в некоторых районах работали домашние школы и согласованные с местными властями образовательные проекты.

Органы поощрения добродетели и порицания порока превращали повседневное поведение в объект принудительного надзора. Телесные наказания и публичные казни демонстрировали не только суровость санкций, но и право власти определять допустимое. Соотношение предписаний с местными обычаями оставалось сложным: руководство могло опираться на привычные нормы, но также отменять практики, которые считало несовместимыми с религиозными требованиями. Поэтому объяснение режима исключительно пуштунским обычным правом недостаточно. Его устройство возникало из взаимодействия религиозной интерпретации, военного подчинения и конкретных представлений руководителей о социальной дисциплине.

На севере продвижение сопровождалось особенно ожесточённым сопротивлением. В 1997 году попытка закрепиться в Мазар-и-Шарифе окончилась поражением после разрыва временных соглашений и восстания против новых хозяев города. Последовали массовые убийства захваченных бойцов «Талибана». Эти события стали причиной последующего насилия против гражданских. В августе 1998 года талибы вновь вошли в город. Расправы затронули хазарейцев, таджиков и узбеков; хазарейцы-шииты подвергались особенно целенаправленному преследованию. Речь шла не только о жертвах боя, но и о розыске людей по этническому признаку, задержаниях и внесудебных убийствах.

Во время захвата Мазар-и-Шарифа были убиты восемь иранских дипломатов и журналист Махмуд Сареми. Кризис приблизил Иран и режим талибов к открытому столкновению. Тегеран сосредоточил силы у границы, однако полномасштабная война не состоялась. Событие показало, насколько тесно внутренняя политика движения была связана с региональной безопасностью: насилие в одном городе могло изменить поведение соседнего государства и создать угрозу нового международного конфликта.

Внешняя изоляция усиливалась одновременно с территориальными успехами. Режим признавали только Пакистан, Саудовская Аравия и Объединённые Арабские Эмираты. Присутствие бен Ладена и его террористических лагерей стало самостоятельным предметом международного давления. Резолюция Совета Безопасности ООН 1267 от 15 октября 1999 года потребовала передачи бен Ладена компетентным властям и предусмотрела финансовые санкции. Резолюция 1333 от 19 декабря 2000 года усилила санкционный режим, включая ограничения на поставки вооружения и военную помощь территориям под талибским контролем.

Способность талибов проводить жёсткие решения особенно наглядно проявилась в двух разных сферах. Запрет выращивания опийного мака в 2000 году привёл к резкому сокращению посевов следующего сезона, рассмотренному в предыдущем разделе. Напротив, уничтожение бамианских статуй Будды в марте 2001 года показало готовность руководства отвергать международные обращения ради демонстративного утверждения собственного религиозного авторитета.

К 2001 году движение достигло вершины территориального могущества, но не разрешило фундаментальных противоречий своего положения. Оно не смогло поставить под контроль северо-восточное сопротивление, не добилось широкого признания и не сформировало политической системы, допускавшей равноправное участие иных политических сил. Союз с «Аль-Каидой» приносил военную и финансовую пользу, одновременно увеличивая внешние риски. История подъёма талибов поэтому важна не только как объяснение их победы над соперниками. Она раскрывает тип власти, который воспринимал уступку под давлением как угрозу авторитету, опирался на религиозную и военную общность и оказался недостаточно гибким перед международным кризисом беспрецедентного масштаба.

1.3. Аль-Каида и Усама бен Ладен

Если «Талибан» вырос прежде всего из борьбы за власть внутри Афганистана, то «Аль-Каида» возникла из внешней среды, сформировавшейся вокруг афганской войны. Для её будущих руководителей конфликт 1980-х годов стал одновременно опытом мобилизации, источником личных связей и основанием политического мифа о возможности победить сверхдержаву. При этом вклад иностранных добровольцев в военный исход войны был значительно скромнее, чем изображался в последующей пропаганде. Основную тяжесть сопротивления несли афганские формирования. Историческое значение арабского участия заключалось прежде всего в возникновении группы людей, способных использовать свой опыт в других конфликтах.

Важнейшим центром этой среды стало созданное Абдуллой Аззамом при участии Усамы бен Ладена «Мактаб аль-хидамат» — Бюро услуг. Оно помогало прибывавшим добровольцам, организовывало сбор средств и связывало афганское сопротивление с сочувствующими за пределами региона. Проповедническая деятельность Аззама представляла участие в войне как религиозную обязанность и придавала местному конфликту общемусульманское значение. Однако Бюро услуг и «Аль-Каида» не были полностью тождественными организациями. Из общей инфраструктуры возникали разные проекты, а дальнейшее применение накопленных ресурсов стало предметом разногласий между людьми, ранее действовавшими совместно. [8]

Усама бен Ладен родился в 1957 году в Эр-Рияде в семье крупного предпринимателя Мухаммеда бен Ладена, выходца из Йемена. Семья дала ему доступ к обеспеченной среде, деловым контактам и возможностям привлечения средств. В афганской войне он приобрёл известность прежде всего как организатор и финансист, хотя имел также опыт непосредственного участия в боевых действиях. Его влияние нельзя объяснить одним богатством. Существенными были способность поддерживать отношения со спонсорами, готовность лично участвовать в боевой деятельности и умение превращать отдельные связи в организацию, сохранявшуюся после завершения конкретной кампании. [8]

Оформление «Аль-Каиды» относится к 1988 году, то есть предшествует убийству Аззама в ноябре 1989 года. Название обычно переводят как «база» или «основа»; оно отражало намерение сохранить подготовленные кадры и организационный центр для дальнейшей борьбы. Между участниками существовали разногласия о приоритетах: продолжать афганскую войну, сосредоточиться на Палестине либо поддерживать вооружённые движения в разных государствах. Гибель Аззама усилила позиции бен Ладена, но не была единственным событием, породившим новую структуру, она появилась за год до его гибели.

Устройство организации сочетало иерархическое ядро с более широким кругом союзников. Внутренние участники занимали определённые должности, получали задания и могли приносить присягу руководителю. За пределами этого круга находились самостоятельные группы, посредники, спонсоры и люди, прошедшие подготовку в лагерях. Одни поддерживали долгосрочные отношения, другие взаимодействовали только ради отдельного проекта. Такое строение затрудняло оценку численности и ответственности. Приписывать «Аль-Каиде» каждое действие любого человека, встречавшегося с её представителями, было бы ошибкой; столь

же неверно считать отсутствие формального членства доказательством отсутствия значимой связи.

В начале 1990-х годов определяющим для бен Ладена стал конфликт с саудовской монархией. Размещение американских сил в Саудовской Аравии после вторжения Ирака в Кувейт он использовал как аргумент против правителей, допустивших иностранное военное присутствие. В его интерпретации зависимость местных режимов от Вашингтона превращала США в главного внешнего противника. Такой подход отличался от стратегий организаций, сосредоточенных преимущественно на свержении собственного правительства. Борьба против «дальнего врага» должна была, по расчёту бен Ладена, ослабить поддержку региональных властей и создать условия для более широких политических изменений.

В 1991 году бен Ладен обосновался в Судане, где политическая среда позволяла совмещать предпринимательскую деятельность с организацией террористической сети. Он участвовал в строительных и хозяйственных проектах, расширял контакты с представителями радикальных движений и использовал деловую инфраструктуру для поддержания своей организации. Однако позднейший образ неограниченно богатого спонсора плохо соответствует доступным данным. Предприятия сталкивались с убытками, внешнее давление увеличивало издержки, а отношения с суданскими властями ухудшались. Опыт пребывания в Судане показал, что безопасность сети зависела не только от денег, но и от готовности принимающего режима терпеть связанные с ней международные риски. [8]

Давление на Хартум усилилось после покушения на президента Египта Хосни Мубарака в 1995 году и международных требований прекратить поддержку радикальных организаций. В мае 1996 года бен Ладен покинул Судан и прибыл в Джелалабад. Важная хронологическая деталь состоит в том, что город тогда ещё не находился под контролем талибов. Первоначальное размещение обеспечивали связи с местными моджахедами, включая окружение Юнуса Халеса. Устойчивый союз с «Талибаном» оформлялся уже после изменения политической ситуации.

После захвата талибами Джелалабада и Кабула бен Ладен стал укреплять отношения с новым режимом. Его последующий переезд в Кандагар сближал его с Омаром и одновременно позволял руководству талибов сильнее его контролировать. Однако контроль оставался неполным. Публичные заявления и международные контакты бен Ладена создавали для эмирата последствия, которые выходили за рамки афганской гражданской войны. Взаимодействие двух организаций развивалось как обмен ресурсами и политическим признанием, но не превращало их в единую структуру с общим механизмом принятия решений.

В августе 1996 года бен Ладен опубликовал декларацию, направленную против американского военного присутствия на Аравийском полуострове. В феврале 1998 года последовало заявление от имени «Всемирного исламского фронта», подписанное им, Айманом аз-Завахири и рядом союзников. Авторы провозгласили право мусульман убивать американцев, включая гражданских лиц. Термин «фетва», которым обозначалось заявление, не должен создавать впечатления общепризнанного богословского решения: подписанты не представляли мусульман мира и не обладали единым признанным религиозно-правовым мандатом. Документ был прежде всего средством террористической мобилизации и публичного расширения круга объявленных целей.

Роль египетских участников особенно заметна в повышении профессионализма организации. Аз-Завахири и связанные с ним боевики принесли опыт подпольной деятельности, политической борьбы и внутренней организационной дисциплины. Мухаммед Атеф также занимал важное место в военном руководстве. При этом сближение различных групп не устранило различий их биографий и интересов. Организация складывалась не вокруг одной конкретной идеи, а вокруг общей повестки и личных связей. Это увеличивало международный

охват, но создавало сложности координации, распределения денег и определения того, какие проекты заслуживают поддержки центрального руководства.

7 августа 1998 года взрывы у посольств США в Найроби и Дар-эс-Саламе продемонстрировали переход к крупным операциям, направляемым руководством «Аль-Каиды». Погибли 224 человека, тысячи получили ранения; подавляющее большинство жертв не были американцами. Подготовка подобных нападений требовала длительного существования местной организации и согласования действий между находившимися в разных странах участниками. Афганское убежище служило центром руководства, но сама террористическая инфраструктура не ограничивалась Афганистаном. [8]

20 августа 1998 года Соединённые Штаты ответили ракетными ударами по объектам в Афганистане и заводу «Аш-Шифа» в Судане. Американская администрация связывала суданский объект с производством компонентов химического оружия, однако обоснованность этого утверждения стала предметом серьёзных споров. Руководство «Аль-Каиды» в результате ударов не пострадало. Для Вашингтона выявилась проблема ограниченной эффективности дистанционного возмездия против мобильной сети; для бен Ладена ответные действия стали пропагандой. При этом отсутствие решающего результата не означало, что единственной мыслимой альтернативой уже тогда являлось полномасштабное вторжение: обсуждались разведывательные, дипломатические, финансовые и силовые меры.

12 октября 2000 года нападение на американский эсминец USS Cole в Адене привело к гибели семнадцати моряков. Оно вновь показало способность террористической организации причинять значительный ущерб за пределами территории своего основного убежища. К этому времени развивался и замысел нападения на Соединённые Штаты с использованием захваченных пассажирских самолётов. Существенную роль в его разработке играл Халид Шейх Мохаммед, ранее сохранявший значительную самостоятельность в международной радикальной среде. Одобрение проекта бен Ладеном объединило инициативу организатора с ресурсами, кадрами и авторитетом бен Ладена.

Для отношений с талибами важное значение имело участие иностранных бойцов на фронтах против Северного альянса. Связанные с бен Ладеном подразделения, известные, в частности, под обозначением бригады 055, помогали режиму в афганской гражданской войне. Их численность и состав менялись, поэтому название не следует воспринимать как обозначение постоянного соединения, сопоставимого с регулярной армейской бригадой. Военная помощь усиливала взаимную зависимость: талибы предоставляли территорию, а организация бен Ладена становилась участником борьбы за её защиту.

Лагерь бен Ладена выполняли несколько функций: обучение, идеологическую обработку, установление личных связей и вербовку для будущих терактов. По информации из американских спецслужб в 1996–2001 годах через лагерь, поддерживавшиеся бен Ладеном, могли пройти от десяти до двадцати тысяч человек. Однако в состав «Аль-Каиды» вошли лишь несколько сотен.

Не все лагеря иностранных радикалов находились под единым руководством. Лагерь Дерунта, аль-Фарук и Халден нередко объединяются как филиалы одной организации. В действительности расположение, руководство и характер отношений с «Аль-Каидой» различались; Дерунта находилась в районе Джалалабада, а аль-Фарук – в Кандагаре.

Широко распространена версия о том, что финансовой основой террористической деятельности служило личное наследство бен Ладена в размере около 300 миллионов долларов. Однако в реальности главную роль играла способность собирать пожертвования и поддерживать отношения со спонсорами. Часть средств проходила через благотворительные фонды и посредников; при этом далеко не все жертвователи знали конечное назначение денег.

Система хавала была лишь одним из способов перевода средств, наряду с банковскими операциями, наличными расчётами и курьерскими перемещениями. Проблема заключалась

в способности сети бен Ладена сочетать законные хозяйственные инструменты с сокрытием конечной цели. Афганское убежище облегчало расходование и организационную координацию, но финансовая система оставалась международной и не могла быть полностью ликвидирована захватом одного лагеря или города.

Отношения Омара и бен Ладена удерживались не только нормами гостеприимства. Значение имели религиозная общность, личные обязательства, взаимная помощь и опасение потерять авторитет среди собственных сторонников. При этом внутри талибов существовало недовольство тем, что зарубежные действия «Аль-Каиды» ухудшали положение эмирата.

Таким образом, к началу нового столетия «Аль-Каида» представляла собой не просто группу вооружённых иностранцев при режиме талибов. Она соединяла сравнительно небольшую руководящую группу, широкий круг партнёров, международные финансовые связи и базовую территорию. Эта комбинация позволяла готовить действия, несоразмерные численности организации и экономическим возможностям принимающего государства. Одновременно она создавала уязвимость для самого эмирата: решения, принимавшиеся ради проекта бен Ладена, могли поставить под угрозу существование афганской власти, чьи собственные цели были преимущественно внутренними. Нападения 11 сентября превратили эту гипотетическую возможность в реальную.

1.4. Теракты 11 сентября 2001 года

Утром 11 сентября 2001 года девятнадцать участников «Аль-Каиды» захватили четыре пассажирских самолёта, выполнявших внутренние рейсы в Соединённых Штатах. Нападение объединяло массовое убийство с атакой на символы экономического и военного могущества. Его политическое воздействие усиливалось тем, что происходящее разворачивалось в прямом эфире: миллионы людей сначала видели последствия удара, а затем наблюдали новый удар, уже не оставлявший сомнений в преднамеренности событий. Для американского руководства кризис одновременно означал необходимость спасения людей, защиты государственных институтов и оценки угрозы продолжения атак.

В 8:46 по местному времени рейс American Airlines 11, вылетевший из Бостона, врезался в северную башню Всемирного торгового центра. В 9:03 рейс United Airlines 175, также следовавший из Бостона, ударил в южную башню. Оба самолёта были Boeing 767. В 9:37 Boeing 757 рейса American Airlines 77, вылетевший из аэропорта Даллес в Виргинии, поразил Пентагон. Четвёртый самолёт, Boeing 757 рейса United Airlines 93 из Ньюарка, упал в Пенсильвании в 10:03. Последовательность событий и действия участников подробно реконструированы Национальной комиссией по терактам 11 сентября на основании записей переговоров, документации и свидетельств.

На борту рейса 93 пассажиры и члены экипажа смогли узнать о других нападениях по телефонной связи и предприняли попытку вернуть контроль над самолётом. Он разбился неподалёку от Шанксвилла, не достигнув намеченного объекта в Вашингтоне. Южная башня Всемирного торгового центра обрушилась в 9:59, северная — в 10:28; спасательная операция превратилась в катастрофу и для многих прибывших на помощь.

Общепринятое число непосредственных жертв нападений составляет 2 977 человек, без учёта девятнадцати угонщиков. Погибли пассажиры, экипажи, работники и посетители зданий, пожарные, полицейские и другие спасатели. Международный состав жертв отражал характер Нью-Йорка как мирового делового центра и не позволял считать трагедию затронувшей только американских граждан. При этом статистика погибших в день атак не исчерпывает медицинских и социальных последствий. Заболевания, связанные с воздействием пыли и токсичных веществ, психологические травмы и утрата трудоспособности стали отдельным долговременным наследием.

Историческое значение 11 сентября заключалось прежде всего в масштабе и сочетании целей. США ранее сталкивались с насилием иностранного происхождения, а в самом Все-

мирном торговом центре уже был террористический взрыв в 1993 году. Однако в 2001 году количество жертв, разрушение узнаваемых зданий и атака на Пентагон создали качественно иной общественный эффект. Прежнее ощущение защищённости американских граждан было поставлено под сомнение в наиболее наглядной форме. Межгосударственная война и деятельность террористической сети оставались разными явлениями, но в общественном восприятии разрушения приобретали масштаб нападения, требующего общенациональной мобилизации.

Экономические последствия также не сводятся к одному выводу. Физическое уничтожение офисных зданий, остановка деловой активности, потери самолетов, изменения на финансовых рынках и последующие расходы на безопасность относятся к различным категориям. Их механическое сложение приводит к двойному счёту: например, страховая выплата компенсирует уже возникший ущерб, а не всегда образует дополнительную потерю того же масштаба. Для понимания политических решений осени 2001 года важнее установить характер потрясения. Нападения одновременно нарушили работу транспорта, финансов и государственных органов, превратив восстановление повседневного функционирования страны в задачу национальной безопасности.

В первые часы руководство действовало в условиях неполной и часто противоречивой информации. Предполагалась возможность новых захватов самолётов, нападений на органы власти и ударов по другим объектам. Воздушное пространство было закрыто для обычного гражданского движения, приводились в действие меры обеспечения непрерывности управления. Президент перемещался между защищёнными пунктами, прежде чем вернуться в Вашингтон. Эти действия следует оценивать с учётом тогдашней неопределённости, а не знания окончательного числа самолётов и целей. После завершения атак государство ещё не могло уверенно определить, завершился ли сам кризис.

Вечернее обращение Джорджа Буша содержало принципиальную формулу: Соединённые Штаты не будут проводить различия между совершившими нападения террористами и теми, кто предоставляет им убежище. Эта позиция расширяла предмет ответа. Преследование конкретных исполнителей и организаторов соединялось с вопросом об ответственности государства, позволявшей организации действовать. Тем самым связь «Аль-Каиды» с Афганистаном становилась основанием международного конфликта с режимом талибов. Однако такая политическая формула ещё не определяла конкретного объёма военных действий, будущего государственного устройства или продолжительности американского присутствия.

Общественная реакция сопровождалась резким ростом поддержки президента и готовности принять силовые меры. При интерпретации опросов необходимо различать одобрение главы государства, поддержку конкретной операции и согласие на длительную войну с крупными потерями. Высокий показатель по первому вопросу нельзя автоматически переносить на остальные. Осенью 2001 года существовал широкий запрос на предотвращение повторных нападений и наказание ответственных, но последствия будущей кампании оставались неизвестными. Политический консенсус обеспечивал свободу первых действий, не являясь бессрочным согласием общества с любым последующим расширением задач.

12 сентября Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1368, осудив нападения и признав неотъемлемое право на индивидуальную и коллективную самооборону. В тот же день Североатлантический совет заявил, что нападение будет рассматриваться в рамках статьи 5 Вашингтонского договора, если подтвердится его внешнее происхождение. После представления результатов расследования 2 октября союзники подтвердили выполнение этого условия. Такая последовательность важна: первоначальный акт солидарности и последующее установление применимости коллективной обороны были связанными, но различными решениями. Они не означали, что НАТО автоматически приняло на себя руководство наступлением в Афганистане.

Внутри США ключевым актом стала резолюция о разрешении применения военной силы — Authorization for Use of Military Force, или AUMF. Конгресс одобрил её 14 сентября, а президент подписал 18 сентября 2001 года. Закон разрешал применение необходимой и надлежащей силы против государств, организаций и лиц, которых президент определит как причастных к нападениям либо укрывательству их участников. В отличие от декларации общей борьбы с терроризмом, юридическая формулировка сохраняла связь с событиями 11 сентября. Вместе с тем отсутствие установленного срока действия и прямо обозначенного географического предела создавало возможности для последующего широкого толкования.

Голосование продемонстрировало исключительную степень единства: в Сенате резолюция была принята с результатом 98:0, в Палате представителей — 420:1. Единственный голос против принадлежал Барбаре Ли, предупреждавшей об опасности слишком широкого делегирования военных полномочий. Её позиция не отражала преобладающего настроения, но обозначила вопрос, который впоследствии станет центральным: где заканчивается ответ на конкретное нападение и начинаются военные действия.

На совещаниях в Кэмп-Дэвиде 15–16 сентября обсуждались варианты ответа, сочетавшие разведывательные операции, воздушные удары и взаимодействие с афганскими противниками талибов. Директор ЦРУ Джордж Тенет предложил использовать небольшие группы для установления связей с местными силами. Военные планы разрабатывало Центральное командование Вооружённых сил США - CENTCOM - под руководством генерала Томми Фрэнкса. Рассматривались разные масштабы наземного участия, уточнялись доступные базы, маршруты снабжения и возможности союзников; оперативное решение складывалось в последующие недели.

Расследование причин теракта показало, что нападения предшествовали многочисленным предупреждениям, но они не сложились в общую картину. Президентская сводка от 6 августа 2001 года сообщала о намерении бен Ладена нанести удар внутри США, не раскрывая конкретного времени и способа. Отдельные сведения находились в разных ведомствах, обрабатывались в разных режимах и не всегда доходили до сотрудников, которые могли бы оценить их совместно. Ошибка заключалась не в полном отсутствии информации, а в неспособности проанализировать её и сделать правильный вывод.

Для афганской кампании этот опыт имел противоречивые последствия. Недооценка террористической угрозы усиливала стремление действовать быстро и не допустить повторения ошибок. Однако быстрота принятия решения не устраняла недостатка информации о местной политике, связях и различиях между полевыми командирами. Эффективность точного удара зависела от качества информации, а информация часто не была объективной. Технологическое превосходство позволяло быстро применять силу, но не давало автоматического понимания того, против кого и с какими последствиями она применялась.

Теракты изменили американскую политику не потому, что заранее определили единственный возможный двадцатилетний сценарий, а потому, что резко перестроили иерархию угроз и допустимых действий. То, что прежде обсуждалось как сложная внешнеполитическая проблема, стало восприниматься как непосредственный вопрос защиты населения.

1.5. Отказ Талибана выдать бен Ладена и решение Вашингтона

После 11 сентября центральным вопросом для американского руководства стало не только установление организаторов нападений, но и определение того, можно ли ликвидировать их базы без войны с режимом талибов. Первые разведывательные оценки указывали на «Аль-Каиду», а последующее расследование укрепляло эту версию.

Требования Вашингтона опирались на предшествовавшие годы безрезультатного воздействия на талибов. Вопрос о выдаче бен Ладена обсуждался в связи с атаками 1998 года, международными санкциями и контактами с представителями талибов. Для США очередное предложение переговоров неизбежно оценивалось с учётом этого опыта. Талибы, напротив,

стремились сохранить право самостоятельно определять условия пребывания иностранцев на своей территории.

20 сентября 2001 года Джордж Буш выступил перед совместным заседанием Конгресса и сформулировал публичный ультиматум. Он потребовал передать американским властям находившихся в Афганистане руководителей «Аль-Каиды», освободить несправедливо заключённых иностранных граждан, обеспечить защиту журналистов, дипломатов и сотрудников гуманитарных организаций и закрыть террористические лагеря. Отдельным требованием был полный доступ США к лагерям для проверки прекращения их деятельности. Президент заявил, что эти условия не подлежат переговорам. Таким образом, простое выдворение бен Ладена было недостаточным для США.

Эти требования имели принципиальное значение. Выдача одного лидера могла сохранить всю систему без изменений. Для талибов, в свою очередь, допуск иностранных проверяющих и выдача означали существенное ограничение суверенитета. Условия, приемлемые для одной стороны, другая могла воспринимать как фактическую капитуляцию.

Внутри движения обсуждались разные способы ответа. Собравшиеся в Кабуле религиозные деятели рекомендовали бен Ладену добровольно покинуть Афганистан, стремясь избежать нападения на страну. Мулла Омар отказался выполнить американский ультиматум. Вместе с тем само обсуждение показывает, что у талибов был политический выбор. Вопрос заключался в том, на какие уступки они могли пойти.

Представители эмирата требовали доказательств причастности бен Ладена и предлагали рассмотреть обвинения в рамках исламского судопроизводства. Но Вашингтон не доверял процессу, который проводился бы под властью режима, уже отказавшегося выполнить прежние международные требования. Одновременно недоверие само по себе не доказывает, что каждая дипломатическая инициатива была заведомым обманом; оценивать необходимо её условия и возможность реализации.

Дипломатические сигналы продолжали поступать и после начала ударов. 14 октября заместитель главы правительства талибов Хаджи Абдул Кабир публично заявил о готовности обсуждать передачу бен Ладена третьему государству при прекращении бомбардировок и представлении доказательств. Предполагаемая страна должна была, по его формулировке, не поддаваться американскому влиянию. Это было предложение начать обсуждение, а не безоговорочное согласие на выдачу. Буш его отверг, вновь потребовав исполнения первоначальных условий. Датировка важна: соответствующее заявление прозвучало в середине октября, а не только в конце месяца, и уже на фоне продолжавшихся военных действий.

Однако выдача союзника под угрозой силы могла восприниматься как потеря авторитета, способная повредить режиму даже при предотвращении нападения. При этом не следует утверждать, будто Омар заранее точно знал цену отказа и сознательно выбрал неизбежную потерю власти.

Ключевым посредником оставался Пакистан. В сентябре американская администрация добивалась его содействия одновременно по нескольким направлениям: разведка, воздушное пространство, доступ к инфраструктуре, прекращение помощи террористическим сетям и давление на талибов. 13 сентября Ричард Армитидж встретился в Вашингтоне с пакистанским послом Малихой Лодхи и руководителем ISI Махмудом Ахмедом. Был предъявлен перечень конкретных требований, включая прекращение поставок топлива талибам и закрытие границы. Принципиальное согласие Первеза Мушаррафа и его военного окружения было получено.

Решение Мушаррафа отражало тяжёлый выбор, но было необходимым. Противостояние с США грозило международной изоляцией и утратой возможностей влиять на послевоенный Афганистан. Сотрудничество, напротив, обещало восстановление отношений с Вашингтоном, экономическую поддержку и участие в обсуждении нового регионального порядка. В то

же время оно вызывало сопротивление среди части религиозных организаций и сторонников талибов внутри Пакистана. Руководство стремилось уменьшить внешние риски, не допустив внутренней дестабилизации. Именно такое сочетание целей объясняет неполноту и противоречивость поворота значительно лучше, чем предположение об одномоментном отказе от всей прежней афганской политики.

Пакистан направлял делегации к Омару, пытаясь убедить его изменить позицию. Однако наличие тесных связей не означало возможности отдавать обязательные распоряжения. Талибы зависели от пакистанских маршрутов ипомощи, но обладали собственной системой авторитета и вооружённой организацией. Неудача посредничества показала пределы влияния Пакистана, особенно когда требуемое решение затрагивало суверенитет Афганистана.

Смена пакистанской позиции не сопровождалась немедленным разрывом дипломатических отношений с талибами. Посольство талибов в Исламабаде продолжало работу и оставалось важным каналом контактов и публичных заявлений. Его закрытие произошло 22 ноября 2001 года, когда эмират уже потерял Кабул и значительную часть территории. Саудовская Аравия и Объединённые Арабские Эмираты прекратили отношения раньше. Следовательно, в течение первых недель войны Пакистан одновременно сотрудничал с американской коалицией и сохранял официальную дипломатическую связь с её противником. Эта двойственность была частью управления кризисом, а не случайным расхождением между словами и действиями.

Международная коалиция формировалась из государств с неодинаковыми мотивами и формами участия. Великобритания стала важнейшим военным и дипломатическим партнёром США. Другие союзники предоставляли разведывательную информацию, транспортные возможности, разрешения на использование воздушного пространства и отдельные подразделения. Солидарность не означала одинаковой готовности к любой операции или единого представления о будущем Афганистана. Общим основанием служила необходимость противодействия «Аль-Каиде», тогда как отношение к длительному присутствию и формированию новых государственных органов власти ещё предстояло согласовать.

Действия НАТО также необходимо отличать от участия отдельных его членов в американской операции. В рамках ответных мер союз предоставил США самолёты дальнего радиолокационного обнаружения для патрулирования воздушного пространства. Морская операция Active Endeavour разворачивалась в Средиземном море. Эти меры разгружали американские возможности и подтверждали обязательства коллективной обороны, но не превращали первоначальную афганскую кампанию в операцию под командованием НАТО. Такое различие впоследствии станет важным при рассмотрении ISAF, смены её руководства и распределения ответственности между параллельно действовавшими международными структурами.

Позиция России способствовала расширению возможностей коалиции в Средней Азии и поддержке Северного альянса. Иран, имевший собственный конфликт с талибами, был заинтересован в изменении власти в Кабуле и позднее участвовал в дипломатическом оформлении переходного порядка. Сближение по афганскому вопросу не устраняло более широких противоречий с США. Оно представляло ограниченное совпадение интересов, которое могло ослабевать по мере того, как непосредственная общая угроза уступала место спорам о региональном влиянии.

Международно-правовое оформление американской операции строилось прежде всего на праве самообороны, закреплённом статьёй 51 Устава ООН. Резолюции 1368 и 1373 подтвердили это право в контексте террористических нападений, но не содержали прямой санкции на вторжение в Афганистан, сопоставимого с некоторыми другими решениями Совета Безопасности о применении силы. Отсутствие такого разрешения само по себе не запрещает применение военной силы: осуществление самообороны не всегда требует предварительной санкции Совета безопасности ООН. Спор касается условий применения этого права, связи между

террористической организацией и территориальной властью, необходимости и соразмерности конкретных действий.

К началу октября дипломатическое воздействие на талибов не привело к реализации американских требований. 7 октября США и Великобритания начали удары по объектам «Аль-Каиды» и режима талибов. В обращении Буш объяснил действия отказом закрыть лагеря, передать террористов и освободить удерживаемых иностранцев.

Решение о начале операции определило ближайшие цели, но ещё не дало ясного ответа на вопрос о перспективах афганского государства. Уничтожить лагеря и инфраструктуру террористов, лишить талибов военной силы для защиты «Аль Кайды» и обеспечить, чтобы Афганистан больше не становился базой для нее, означало решить задачи разного уровня. Первая могла иметь относительно конкретный военный результат; последняя предполагала длительное влияние на будущее страны.

1.6. Геополитические интересы США и формулировка целей кампании

В обращении 7 октября Буш обозначил две непосредственные цели операции: уничтожить базы террористических организаций и военные силы режима талибов. Публичная формулировка не содержала подробной программы будущего государственного устройства. Она связывала безопасность США с ликвидацией террористической сети. При этом смена власти талибов была неофициальной целью.

На оперативном уровне цели выглядели более определёнными: уничтожить лагеря и инфраструктуру, захватить или ликвидировать руководителей сети, ограничить способность талибов вести организованную войну. Каждая такая задача допускала относительно понятные промежуточные показатели. Однако уничтоженное сооружение не равнялось уничтоженной организации, а потеря столицы не означала исчезновения вооружённого движения. Уже исходная постановка содержала проблему оценки результата. Военные могли сообщить о поражении конкретных объектов, но установить, что Афганистан больше никогда не станет источником угрозы, средствами одной операции было невозможно.

Свержение правительства, даже если оно оправдывалось контртеррористическими соображениями, выходило за рамки преследования террористов. Контртеррористическая операция стала впоследствии основой изменения государственного устройства. Политический вопрос возник с момента, когда военный план стал опираться на смену режима. Неопределённость заключалась не в полном отсутствии этой проблемы, а в отсутствии согласованного представления о том, какой объём ответственности возьмет на себя США после победы.

Модель ограниченного присутствия была сознательным выбором, имевшим военно-политические основания. Использование американской авиации, разведки и небольших специальных подразделений совместно с местными формированиями позволяло начать действия быстрее, чем развёртывание крупной сухопутной армии. Оно уменьшало первоначальную нагрузку на транспорт и снабжение, ограничивало видимость иностранной оккупации и снижало ожидаемые американские потери. Такая схема соответствовала представлениям части руководства Пентагона о преимуществах мобильности и точечного применения силы. Успех первых месяцев впоследствии укрепил уверенность в её эффективности.

У модели существовала и обратная сторона. Местные союзники обладали опытом и человеческим ресурсом, которых не было у внешних сил, но у них были собственные цели. Они стремились вернуть утраченные территории, устранить соперников, получить должности и доходы. Содействие им усиливало конкретные политические группы ещё до создания общих правил послевоенного устройства. В результате решение оперативной задачи одновременно формировало будущую структуру власти. Поддержка местного командира не заканчивалась с завершением совместной операции: полученные им ресурсы могли определять отношения с населением и центральным правительством в течение следующих лет.

Дополнительным ограничением была необходимость предотвращать политическое доминирование одной коалиции победителей. Северный альянс предоставлял наиболее организованную силу против талибов, но не представлял всё афганское общество. Для устойчивого устройства требовалось участие пуштунских политических деятелей и иных групп. Это создавало сложную задачу: использовать существующего военного партнёра, одновременно ограничивая его претензии на исключительное право определять будущее.

Региональная логистика стала самостоятельным направлением дипломатии. Афганистан не имел выхода к морю, а длительные действия требовали доступа к воздушным коридорам, аэродромам, ремонтным и транспортным возможностям. Пакистан был важен благодаря географии и связям с афганскими участниками. Государства Средней Азии предоставляли коммуникации с Севера. Карши-Ханабад в Узбекистане начал использоваться американскими силами осенью 2001 года, развёртывание на Манасе в в конце года.

Сотрудничество с Россией и Ираном также имело ограниченный характер. Противодействие талибам и террористическим организациям было общим интересом, но не отменяло опасений по поводу длительного американского присутствия. Для Москвы важны были безопасность среднеазиатских союзников и влияние на постсоветском пространстве; для Тегерана - влияние в соседней стране, защита связанных с ним национальностей и недопущение враждебного режима. Поэтому международная поддержка первоначального разгрома талибов не могла автоматически распространяться на любую модель будущего Афганистана. Коалиция против общего противника была шире возможной коалиции вокруг единого проекта регионального порядка.

Перестройка американского стратегического мышления получила систематическое выражение в Стратегии национальной безопасности сентября 2002 года. Документ подчёркивал опасность сочетания террористических сетей, враждебных режимов и оружия массового уничтожения, а также возможность действий до окончательного формирования угрозы. Однако неправильно изображать вторжение октября 2001 года как осуществление доктрины, сформулированной год спустя. Афганская операция обосновывалась ответом на уже совершённое нападение и устранением его организации.

Боннское соглашение декабря 2001 года обозначило переход от разгрома талибов к формированию новой политической системы. Его логика предполагала временную администрацию, последующие переходные процедуры и создание конституционного порядка. Международные участники уже не могли ограничиться вопросом о том, кто удерживает военные объекты. Требовалось определить, кто представляет государство, распоряжается помощью и назначает должностных лиц. При этом соглашение оформляло не всеобщее завершение конфликта между всеми сторонами, а устройство, сложившееся после поражения одного из основных участников. Это обстоятельство влияло на последующее включение и исключение различных политических сил.

Создание ISAF по резолюции Совета Безопасности 1386 в декабре 2001 года имело собственный международный мандат и первоначально было связано с безопасностью Кабула и прилегающих районов. Эту миссию нельзя отождествлять с американской контртеррористической операцией. Разные основания и первоначальные зоны ответственности отражали попытку разделить борьбу с сохранявшимися вооружёнными угрозами и обеспечение политического перехода. Однако на практике безопасность, административное строительство и военные действия постоянно пересекались. Ограничение международного присутствия столицей оставляло открытым вопрос о том, кто будет обеспечивать порядок в провинциях и каким образом этот порядок будет связан с новой центральной властью.

Уже в 2002 году восстановление страны получило явное место в публично объявленных американских целях. В выступлении в Военном институте Виргинии 17 апреля Буш говорил о разминировании, восстановлении дорог, медицинской помощи и создании экономики, не зави-

сящего от наркотиков. Обращение к примеру Джорджа Маршалла связывало военную победу с обязанностью помочь последующему восстановлению. Поэтому утверждение, что расширение задач никогда не оформлялось официально, неверно. Реальная проблема заключалась в другом: политическое признание новых целей не гарантировало соответствия между их масштабом, выделенными ресурсами, устройством управления и предполагаемыми сроками.

Один из способов расширить присутствие за пределами столицы представляли команды восстановления — Provincial Reconstruction Teams, или PRT. По реконструкции SIGAR, первая такая команда появилась в Гардезе 31 декабря 2002 года; в 2003 году сеть начала расширяться. В состав команд входили военные и гражданские представители, которым поручалось содействовать безопасности, восстановлению и распространению присутствия центральной власти. Формат позволял действовать сравнительно небольшими группами в условиях ограниченного общего контингента. Однако команда не могла заменить полноценную районную администрацию, устойчивый суд или постоянно действующую систему охраны порядка.

Смешение военных и гражданских функций создавало дополнительные противоречия. Местные жители могли связывать помощь не с собственным государством, а с иностранной структурой. Гуманитарные организации, в свою очередь, опасались утраты различия между независимой помощью и инструментами военной кампании. Это не означает бесполезности всех PRT, но показывает необходимость оценивать результаты по нескольким критериям. Количество выполненных проектов, безопасность сотрудников, доверие населения и способность афганских учреждений продолжить работу представляли разные показатели успеха.

Параллельно происходило распределение международной ответственности по секторам восстановления. Разные государства и организации участвовали в подготовке армии и полиции, реформировании правосудия, разоружении и борьбе с наркотиками. Такое разделение позволяло привлекать дополнительные ресурсы, но усложняло согласование приоритетов и стандартов. Программа, успешная в пределах собственного ведомственного задания, могла плохо сочетаться с действиями соседнего направления. Например, расширение набора в силовые структуры требовало финансового обеспечения, кадрового учёта, судебных процедур и административной подотчётности. Ни один из этих элементов не мог устойчиво существовать как отдельный технический проект, не связанный с устройством государства.

Подготовка войны в Ираке усиливала конкуренцию за политическое внимание и ресурсы. Часть проблем возникла раньше и была связана с самой моделью вмешательства. Успех первоначального наступления позволял считать афганское направление относительно благополучным в тот момент, когда устойчивость нового порядка ещё не была проверена. Политическое внимание переключалось быстрее, чем завершалось формирование местных институтов. Для оценки последствий необходимо проследить конкретные решения о персонале, финансировании и полномочиях: общее утверждение об отвлечении ресурсов существенно, но не заменяет объяснения того, какие именно задачи оставались без достаточного обеспечения.

Понятие «расширение миссии» — mission creep — описывает накопление задач, каждая из которых представляется необходимым условием выполнения предыдущей. Ликвидация террористических баз требует надёжного местного союзника; союзник нуждается в силах безопасности; эти силы требуют бюджета и снабжения; устойчивый бюджет зависит от хозяйственного восстановления и контроля над территорией. Такая последовательность не является сама по себе иррациональной. Проблема возникает, когда каждое новое условие расширяет обязательства без пересмотра общего замысла и без определения достижимого конечного состояния. Тогда средство постепенно становится самостоятельной целью, а первоначальные критерии завершения операции перестают работать.

При этом афганский опыт включал не только незаметное накопление обязательств, но и вполне осознанные пересмотры политики. Международные мандаты расширялись, принимались новые стратегии, увеличивались программы подготовки армии и полиции. Поэтому

объяснение исключительно «ползучим» вовлечением недооценивает ответственность за конкретные решения. В разные моменты существовали альтернативы относительно объёма присутствия, приоритетов и сроков, хотя ни одна не обещала гарантированного успеха. Вопрос состоит не в том, когда участники внезапно обнаружили неизвестную им задачу, а в том, почему неоднократное признание её сложности не привело к устойчивому согласованию целей и доступных средств.

Особенно важным стало различие между зависимостью и прямым управлением. Афганское государство обладало собственными президентом, правительством и политическими партиями; она не была иностранной администрацией, юридически заменившей национальное государство. Вместе с тем её безопасность и значительная часть возможностей зависели от внешней поддержки. Такое сочетание предоставляло местным руководителям пространство для самостоятельных решений и одновременно ограничивало их финансовую и военную автономию. Ответственность распределялась неравномерно: внешние участники влияли на ключевые условия существования системы, но не могли полностью контролировать поведение её должностных лиц.

Таким образом, первоначальная афганская кампания соединяла относительно узкую задачу устранения террористической сети с потенциально неограниченным требованием не допустить его восстановления. Быстрая победа над режимом облегчила выполнение первой части и одновременно выдвинула на передний план вторую.

ГЛАВА 2. ЭТАП ПЕРВЫЙ: СВЕРЖЕНИЕ РЕЖИМА ТАЛИБАНА (2001–2003)

2.1. Замысел операции «Несокрушимая свобода» и расстановка сил

Первый этап афганской кампании объединяет два разных по характеру процесса: разгром режима талибов осенью 2001 года и попытку закрепить достигнутый результат в 2002–2003 годах. Военная фаза развивалась значительно быстрее политической. Потеря противником крупных городов создавала впечатление завершённой победы, тогда как вопрос о том, кто будет удерживать территорию, собирать доходы и обеспечивать безопасность, только начал решаться. Уже первоначальный замысел содержал это расхождение. США рассчитывали использовать местные силы для наземной борьбы, но зависимость от этих союзников неизбежно распространялась и на устройство возникавшей после победы власти.

План формировался в течение нескольких недель после 11 сентября. У Центрального командования имелись варианты ударов по террористическим объектам, однако готовая программа быстрого уничтожения сети и одновременного переустройства афганской политической среды отсутствовала. Требовалось согласовать воздушную кампанию, разведывательную работу, взаимодействие с местными противниками талибов и доступ к региональной инфраструктуре. Расхождения между ведомствами касались последовательности действий, масштабов наземного участия и допустимого риска. Поэтому представление о единственном готовом плане, немедленно принятом политическим руководством, не соответствует постепенному характеру подготовки. Итоговая схема возникла из соединения нескольких первоначально самостоятельных направлений.

Развёртывание крупной сухопутной группировки означало бы длительную переброску, создание снабжения и необходимость получить более широкое содействие соседних государств. Афганистан не имел выхода к морю, а доступные аэродромы и дороги не позволяли просто воспроизвести опыт войны в Персидском заливе. Альтернативой стало сочетание американской авиации с афганскими наземными формированиями и небольшими группами, обеспечивавшими разведку и координацию. Такая конструкция позволяла начать действия до завершения крупномасштабного развёртывания. Её преимуществом была скорость, но обратной стороной – ограниченность непосредственного американского контроля над участниками наземной войны и результатами их продвижения.

В основе замысла находилось разделение функций. Афганские союзники предоставляли бойцов, знание местности и связи с населением; американские силы - воздушную мощь, разведывательные возможности, связь и материальную поддержку. Специальные подразделения должны были соединить эти элементы в действующую систему. Однако взаимодействие не сводилось к передаче координат. Требовалось устанавливать доверие, оценивать сообщения командиров и согласовывать наступления между группами, которые недавно соперничали друг с другом. Таким образом, военное посредничество одновременно становилось политическим: решение о том, кого поддержать, определяло, кто получит преимущество при распределении территории и власти.

Северный альянс представлял собой наиболее очевидную опору, поскольку продолжал организованную борьбу и сохранял фронт против талибов. Тем не менее он не был единой армией с полностью централизованным управлением. Силы Мухаммеда Фахима, Абдул-Рашида Дустума, Атты Мухаммада Нура и других руководителей различались по составу, районам действия и политическим интересам. После убийства Ахмад Шаха Масуда коалиция переживала перестройку руководства. Американская поддержка не устраняла этих различий, а предоставляла ресурс для временного согласования. Одновременно Вашингтон искал антитаалибских партнёров среди пуштунских деятелей юга, чтобы военный успех не закрепил исключительное господство северных группировок.

Талибские силы обычно оценивались в несколько десятков тысяч человек, но точность подобных подсчётов ограничена. В состав входили относительно устойчивые боевые подразделения, местные отряды, временно мобилизованные участники и иностранные добровольцы. Наличие танков и артиллерии советского происхождения не означало соответствующей численности исправной техники и подготовленных экипажей. Остатки авиации и противовоздушной обороны не могли на равных противостоять коалиции. При этом низкая техническая оснащённость не исключала способности к упорному сопротивлению на отдельных участках: опыт гражданской войны, подготовленные позиции и знание местности сохраняли значение даже при подавляющем превосходстве противника в воздухе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.